

ПРЕДЕЛЫ КОМПЕТЕНЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ОЦЕНКЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В КАЧЕСТВЕ ВЕЩЕСТВЕННОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Матлак А. Н.

*УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
пр. Машерова, 6, 220005 Минск, Беларусь, info@amia.by*

В статье рассмотрены вопросы пределов и объема компетенции следователя при оценке такой специфической категории вещественных доказательств как огнестрельное оружие. Основываясь на анализе мнений ученых относительно рассматриваемой проблемы, судебно-экспертной и следственной практики, автором даны рекомендации по использованию специальных знаний в области судебной баллистики, приведены примеры, обуславливающие обязательное назначение судебных баллистических экспертиз при работе с огнестрельным оружием в ходе расследования преступлений.

Ключевые слова: следователь; судебный эксперт; огнестрельное оружие; судебная баллистическая экспертизы.

Перечень задач, решаемых следователем на различных этапах расследования преступления, достаточно велик и затрагивает разнообразные аспекты деятельности. Необходимость использования специальных знаний, назначение экспертизы, а также определение объема экспертного задания в случае принятия положительного решения о назначении экспертизы являются разновидностями таких задач.

Одним из актуальных аспектов использования специальных знаний при расследовании преступлений в целом и назначения судебных баллистических экспертиз в частности представляется проблема пределов компетенции следователя по самостоятельному анализу таких специфических вещественных доказательств как огнестрельное оружие.

А.И. Винбергом предложена идея самостоятельного установления отдельных фактов следователем, обоснованная достаточностью имеющихся у следователя знаний в области криминалистики и навыков владения криминалистической техникой [1, с. 49]. Предложение автора призвано существенно повысить эффективность работы следственных органов, однако, перечень вопросов, предлагаемых для самостоятельного решения следователем, основывается исключительно на практике использования общеизвестных фактов, а не специальных знаний.

Т.Ф. Шаркова, высказывает мнение, что следователь как лицо, обладающее специальными знаниями, вправе использовать для исследования вещественных доказательств все научно-технические приемы, методы и средства, какие он считает необходимым применить для проверки или получения новых сведений по проверяемому факту [2, с. 88].

С таким подходом нельзя согласиться, поскольку, согласно Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь, право на применение, например, разрушающих методов может быть предоставлено только эксперту при производстве экспертизы с разрешения органа, ведущего уголовный процесс.

Следует отметить, что законодательством предусмотрена лишь одна форма фиксации применения специальных знаний следователем – в протоколе следственного действия. Как известно, общим правилом составления протокола следственного действия является исключительно описательный характер признаков и характеристик объектов [3, с. 565]. Применительно к огнестрельному оружию это означает, что следователь может фиксировать наличие основных узлов (без оценки их состояния, пригодности для использования по целевому назначению), его отдельные свойства, характеристики и т.д. Оценка результатов проведенного изучения экземпляра огнестрельного оружия, в том числе полученных при сравнении установленных свойств и характеристик объекта с параметрами, приведенными для данной модели в специальной справочной литературе, с имеющимися образцами в натурных коллекциях, формулирование промежуточных и итоговых суждений в форме выводов – исключительная прерогатива судебного эксперта.

Нельзя не согласиться, что на сегодняшний день знаний следователя в области криминалистики достаточно для выполнения задач по организации расследования преступления. Но достаточно ли данных знаний и сформированных исходя из практического опыта работы следователя компетенций для решения вопроса, например, об отнесении объекта самодельного изготовления к категории огнестрельного оружия? Очевидно, что общих понятий и терминов, используемых при простом следственном осмотре вещественного доказательства, недостаточно для установления соответствия предмета критериям огнестрельности, оружейности и надежности, необходимых, согласно «Методике решения вопросов о принадлежности объектов к ручному стрелковому огнестрельному оружию, их исправности и пригодности к стрельбе», для признания объекта исследования огнестрельным оружием.

Так, для соответствия объекта исследования критерию оружейности, он, должен обладать достаточной поражающей способностью, которая определяется энергетическими характеристиками снаряда. Энергетические характеристики снаряда, определяют его поражающую способность – возможность при стрельбе из конкретного экземпляра оружия причинять человеку или животному опасные для жизни или смертельные повреждения. Установление указанного критерия для объекта судебной баллистической экспертизы, изготовленного самодельным способом, осуществляется путем экспериментальной стрельбы, по результатам которой, основываясь на измерении скорости полета снаряда, рассчитываются кинетическая и удельная кинетическая энергия выстрелянного снаряда [4, с. 8].

Подобные исследования зачастую сопряжены помимо риска для здоровья лица, осуществляющего эксперимент, с необходимостью проведения многократных манипуляций с постоянным изменением массы порохового заряда, применяемого для стрельбы. Знание основных процессов, происходящих во время выстрела, и явлений его сопровождающих, специальных формул, используемых при расчетах вышеуказанных показателей, соблюдение требований безопасности (лица, осуществляющего стрельбу, и объекта экспертизы в целях его сохранности), характерных для узкого направления экспертных исследований – судебной баллистической экспертизы, в своей совокупности являются в приведенном слу-

чае основополагающим для объективного и полного решения задачи по отнесению объекта к категории огнестрельного оружия. Возможность следователем соблюдения такого значительного круга условий вызывает объективные сомнения. Еще в начала прошлого столетия справедливо отмечал С.Н. Трегубов, что любые знания «только тогда приобретают неоценимое значение, когда они освещены знанием выработанных наукой технических приемов расследования. Знание это необходимо для следователя, конечно, не для того, чтобы самому производить исследование вещественных доказательств. Для такого исследования у него нет ни времени, ни места, ни надлежащих приспособлений. Это, по общему правилу, дело эксперта...» [5, с. 12].

А.А. Погребной считает, что если вопросы, интересующие следователя, могут быть решены общедоступными способами, заключающимися только в выявлении свойств объекта и констатации их наличия или отсутствия, и результат решения является очевидным, привлечение специалиста в области судебной баллистики нецелесообразно [6, с. 87]. В качестве примера подобной ситуации автор приводит случаи изъятия огнестрельного оружия заводского изготовления и решения вопроса об его отнесении к категории огнестрельного.

С указанной позицией нельзя согласиться полностью, так как задание эксперту, сформулированное в постановлении (определении) практически никогда не ограничивается вопросом об отнесении объекта исследования к категории огнестрельного оружия, а включает в себя комплекс задач, среди которых помимо указанной – определение состояния оружия, возможности выстрела без нажатия на спусковой крючок и т.д.

Наиболее правильной с точки зрения оценки природы специальных знаний следователя, объемов и пределов их использования (применения) представляется точка зрения Е.А. Зайцевой и А.И. Садовского, которые отмечают: «Следователь, обладая специальными познаниями (например, в криминалистике, судебной бухгалтерии, базовыми знаниями по другой специальности, если у следователя есть и другое, не юридическое образование), на различных этапах оперирования с доказательственной информацией может воспользоваться собственными знаниями, но в соответствующих объемах, которые зависят от целей его доказательственной деятельности. Если речь идет об удостоверительных актах, благодаря которым в сферу доказывания вводится новая информация, то следователь, несмотря на наличие у него познаний в данной области, должен использовать научно-техническую или консультационную помощь сведущих лиц» [7, с. 84].

Помимо вышеуказанного, необходимо принять в расчет, что специальными знаниями можно воспользоваться непосредственно, либо опосредованно: в первом случае – их непосредственно применяет эксперт, а во втором – специальные знания используются через заключение эксперта, то есть опосредованно [8, с. 15]. Исходя из приведенного разграничения следует, что эксперт – является субъектом применения специальных знаний, а следователь, орган дознания, суд, оценивая результаты применения специальных знаний экспертом через призму составленного им заключения эксперта – относятся к субъектам использования специальных знаний.

Насколько справедливо утверждение о невозможности делегирования эксперту полномочий по решению вопросов определения виновности лица, оценки совокупности собранных по делу доказательств, настолько не имеет под собой ни научной, ни практической платформы позиция, при которой следователь единолично, без привлечения эксперта соответствующего профиля проводит исследования по установлению природы объектов, их индивидуализирующих особенностей, параметров и характеристик [9, с. 12].

Таким образом, с учетом вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

следователь, с учетом полученного образования и компетенций, сформированных в ходе осуществления им практической деятельности, может воспользоваться имеющимися знаниями в объемах, необходимых для решения задач, не связанных с получением удостоверительных актов, таких как заключение эксперта, способствующим введению в сферу доказывания новой криминалистически значимой информации;

независимо от общего уровня знаний следователя в области криминалистического оружиеведения, достаточных для решения задач по организации расследования преступления, обнаружению вещественных доказательств, принятию решений об их экспертном исследовании и т.п., оценка конкретного экземпляра огнестрельного оружия на основе установленных свойств и характеристик объекта, формулирование промежуточных и итоговых суждений в форме выводов – исключительная прерогатива судебного эксперта.

Руководство приведенными положениями, позволит следователю избежать таких серьезных ошибок, возникающих при расследовании различных категорий преступлений, как недостаточная исследованность вещественных доказательств, нерациональное использование специальных знаний путем назначения судебной экспертизы при нецелесообразности ее проведения и т.д.

Библиографический список

1. Винберг, А. И. Некоторые актуальные вопросы советской криминалистики / А. И. Винберг // Советское государство и право. – 1962. – № 5. – С. 44-50.
2. Шаркова, Т. Ф. О самостоятельности исследованиях вещественных доказательств, проводимых следователем // Криминалистика и судебная экспертиза. Респ. междувед. сб. науч. и науч.-метод. работ. – Вып. 6. – Киев: 1969. – С. 87-91.
3. Криминалистика: учебник для вузов / Под. ред. заслуженного деятеля науки РФ, проф. Р. С. Белкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2006. – 992 с.
4. Методика решения вопросов о принадлежности объектов к ручному стрелковому огнестрельному оружию, их исправности и пригодности к стрельбе / М-во внутр. дел Респ. Беларусь ; Гос. Эксп.-крим. центр. – Минск, 2008. – 16 с.
5. Трегубов, С. Н. Основы уголовной техники, научно-технические приемы расследования преступлений. Практическое руководство для судебных деятелей / С. Н. Трегубов. – М. : ЛексЭст, 2002. – 336 с.
6. Погребной, А. А. Диагностические исследования ручного огнестрельного оружия и их применение в доказывании : дисс. ... канд. юрид. наук / А. А. Погребной. – Саратов, 2000. – 198 л.

7. Зайцева, Е. А. Формирование доказательств следователем с использованием специальных познаний и научно-технических средств : монография // Е. А. Зайцева, А. И. Садовский. – Волгоград, 2013. – 292 с.

8. Экспертиза в судопроизводстве : учебник для бакалавров / Под ред. Е. Р. Россинской. – М.: Проспект, 2021. – 336 с.

9. Швед, А. И. Судебная экспертиза : пособие / А. И. Швед. – Минск: Форум, 2022. – 296 с.

ПРОВЕДЕНИЕ МЕДИАЦИИ В РАМКАХ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Моисеева И. А.

*УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь, d2079@grsu.by*

Эффективность деятельности органов предварительного расследования и суда определяется не только правильной организацией их работы, четкостью ее процессуальной регламентации, но и целесообразностью проведения всего комплекса процессуальных действий и решений, которые порой неоправданно усложняют уголовный процесс. По этим объективным причинам в практике современного уголовного процесса в Беларуси появились новые альтернативные формы разрешения уголовно-правовых конфликтов. В статье исследуется тактика проведения медиации в рамках расследования преступления как альтернативное решение уголовно-правового конфликта между обвиняемым и потерпевшим и как способ потерпевшему получить эффективное возмещение или компенсацию за причиненный преступлением вред. Однако при всех положительных характеристиках упрощенных процедур, включающих и медиацию, необходимо взвешенно подходить к их применению в уголовном процессе. Частные интересы и их выражение в уголовном процессе должны быть ограничены теми случаями, в которых не наносится ущерб публичным интересам.

Ключевые слова: тактика; расследование; преступление; медиация; примирение; возмещение ущерба; вред

Современное состояние и развитие доктрины уголовного права формируются под влиянием рассмотрения альтернативных решений уголовно-правовых конфликтов, минуя применение уголовного наказания за совершенное лицом преступление. Применение уголовного наказания является крайней мерой реагирования государства на совершенное преступление, когда уголовно-правовой конфликт не может быть разрешен другими средствами и способами. По этой причине при совершении тяжких или особо тяжких преступлений прекращение уголовного преследования за примирением с потерпевшим невозможно.

Законом Республики Беларусь от 26.05.2021 г. № 112-З [1] были внесены изменения, согласно которым в уголовном процессе появилась медиация. Так, в статье 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь даны определения понятий «медиативное соглашение», «медиатор» и «медиация». А статья 30-1 УПК предусматривает порядок ее проведения. Следователь, прокурор и суд могут передать дело на медиацию. Также сами потерпевший и обвиняемый